

Венсан Перес - НОВЫЙ Фанфан

Мишель БАЙЕН

Венсан Перес наверняка понимал, что совершает рискованный шаг, берясь за роль Фанфана-Тюльпана, сыгранную полвека назад Жераром Филипом. В новом фильме Жерара Кравчика Перес делает уверенную заявку на амплуа народного героя и суперзвезды.

— Вы колебались, когда вам предложили роль, которую обесмертил Жерар Филип?

— Когда Люк Бессон и Мишель Феллер предложили мне сыграть этого персонажа, я сразу же сказал: «Да». Мне казалось, что это сон, ставший явью. Я всегда мечтал сыграть нечто подобное. Я подумал: «Наконец-то продюсер согласен рискнуть и сделать ставку на меня!»

— Вы смотрели старый фильм Кристиана-Жака?

— У меня остались нежные детские воспоминания. Фанфан — человек, балансирующий на канате над головами людей, устраивающих войны. Это человек, который забавляется всем, что вокруг него происходит, и это мне в нем нравилось.

— Вы пытались абстрагироваться от игры Жерара Филипа или, наоборот, вдохновлялись ею?

— Я создавал своего собственного Фанфана, стараясь не думать о Жераре Филипе. Хотя, признаюсь, время от времени мне казалось, что он нашептывает мне на ухо мой текст. Или диктует, как себя вести — как, например, в сцене дуэли на крыше. Я говорил себе, что он, возможно, испытывал то же самое, когда в ней снимался. Вместо того, чтобы думать о выпадах и ударах, я просто наслаждался моментом. Иногда использовал свои воспоминания о его обаянии и магнетизме. В некоторых сценах в его голосе звучала какая-то особенная музыка. Я постарался отдать дань уважения тому, что создал на экране Жерар Филип.

— Вам не кажется, что эта роль замыкает вас в амплуа героя-любовника, из которого вы ранее пытались вырваться?

— Мне кажется, что эта роль заметно отличается от всего того, что мне пришлось играть в исторических фильмах. Особенность фильма — в столкновении двух школ, классической и современной. Классическую представляет Жан Космо с его блестящими отточенными диалогами, а современную — Люк Бессон с его умением обыграть любую ситуацию в ироническом ключе.

— Но вас не тяготит амплуа героя-любовника?

— Я бы не стал называть свое амплуа «героем-любовником». Я бы скорее назвал его «наивным любовником». Меня много лет эксплуатировали в этом амплуа, и я не стыжусь об этом говорить. В «Сирано» меня эксплуатировали и сценаристы, и герой Жерара Депардье. Действительно, первое время я стеснялся своего амплуа — особен-

но когда во время телеинтервью меня по сто раз называли красавчиком. После «Индокита» я не снимался год, потому что мне все время предлагали одно и то же. Но постепенно успокоился. Сегодня никто больше не называет меня «парнем, который целовал самых красивых женщин на свете». К тому же мне скоро 40. Думаю, могу переходить на классические роли.

— Как вы готовились к роли Фанфана?

— Мне пришлось поработать, потому что сцены поединков требовали невероятной точности, почти до миллиметра. Начал с цирковых упражнений, чтобы обрести легкость и изящество жестов. Учился жонглировать, занимался на трапеции, на трюмплине. Это помогло мне стать ловким и быстрым, научиться держать равновесие.

— Вы занимались фехтованием?

— Фехтование — моя специальность! Я много занимался и раньше. Когда мы ставили «Гамлета» на сцене, Патрис Шеро пригласил знаменитого Рауля Биллере. На съемках «Сирано» работал с Биллом Хоббсом. На «Горбуне» меня тренировал Мишель Карлье — его же пригласили и на «Фанфана». Мы хотели избежать новомодного китайского стиля, всех этих полетов на тросах, поскольку это совершенно не вязалось с духом фильма. Мы с Мишелем Карлье мечтали о настоящих сражениях, снятых одним планкадром, без монтажных склеек. Нам хотелось отдать дань уважения фехтованию как чисто французскому стилю боя. В одной из сцен я даже исполняю серию знаменитых выпадов герцога Наваррского.

— Что было труднее всего при съемках фехтования?

— В фехтовальной хореографии более 100 движений. Выучить их нетрудно, трудно найти нужный ритм. Фехтовальщик должен действовать быстро — но не слишком быстро. И предельно точно. Очень трудно идти до конца. Четыре месяца репетиций — это одно. Там ты можешь остановиться и подумать. И совсем другое дело — когда съемочный период подходит к концу, все устали, а остановиться и подумать некогда. Тогда возникает опасность. Один неверный жест — и последствия будут очень печальными.

— Какой сценой вы гордитесь больше всего?

— Сценой на крыше. Ее было труднее всего поставить и снять. Она потребовала от меня наибольших усилий, ловкости и смелости. Потому что я находился на покато́й крыше в шести метрах от земли.

— Наверное, это самая трудная в физическом отношении роль в вашей карьере.

— Да, совершенно верно. Самая трудная и самая удачная. Впервые я в одиночку нес на плечах фильм плаща и шпаги! Я рад, что этот фильм состоялся.

— Как вы думаете, Фанфан в чем-то похож на вас?

— Во мне есть любовь к проказам. Но я никогда не был таким за-

носчивым, как он. Даже в юности я был слишком серьезен, чтобы ощущать себя до такой степени свободным. Фанфан стал таким, каким я его вообразил, а не таким, каким ощущаю себя самого. Это скорее роль-композиция, чем выступление от первого лица.

— Что вам ближе — роли-композиции или роли «от первого лица»?

— Пожалуй, я больше люблю играть людей, которые не похожи на меня. Первая книга об актерском мастерстве, которую я прочитал, — «Создание персонажа» Станиславского. Я бы с огромным удовольствием сыграл роль, подобную той, что исполнил Леонардо Ди Каприо в фильме «Что гложет Гилберта Грейпа». Меня завораживают такие актеры, как Энтони Хопкинс и Дэниэл Дэй-Льюис.

— Известно, что вы знакомы с Дэй-Льюисом.

— Да, мы встречались 15 лет назад благодаря нашему общему другу Жан-Филиппу Экоффе. Мы быстро нашли общий язык, вместе ходили по утрам на пробежки и снимали на двоих одну студию во время фестивалей в Авиньоне. Одну ночь он спал в кровати, я на полу, другую — наоборот.

— Вы легко входите в новую роль?

— Когда начались первые читки «Фанфана-Тюльпана», мои партнеры были в шоке: я читал так, словно пришел на урок дикции. Я только что закончил сниматься в очень мрачной роли в фильме «Дежурный аптекарь», и мне потребовалось время, чтобы прийти в себя и снова обрести свежесть чувств.

— Когда вы смогли войти в роль?

— Когда началась примерка костюмов. Монахом становятся, когда надевают рясу!

— А внешность?

— Это все придумал Жерар Кравчик. Когда он решил, что я буду с длинными волосами, я заколебался, потому что хотел отойти от «Распутника» как можно дальше.

— Неприятные воспоминания?

— Не хочу об этом говорить. Давайте не будем беречь старые раны.

— В вашей актерской карьере есть решающая роль?

— Вивиан, трансвестит в фильме «Те, кто меня любит, поедут поездом». Патрис Шеро всегда умел открывать в актерах новые грани. Работать с ним страшно и восхитительно. Каждую минуту приходится задавать себе новые вопросы, сомневаться в своих способностях. И это не страшно, потому что Патрис Шеро не боится признаваться вместе с вами, что он чего-то не знает. Я восхищаюсь этим человеком.

— Как он «продал» вам роль Вивиана?

— Вообще-то я сам ему ее «продал»... Это довольно забавная история. Однажды разговаривали по телефону и он сказал: «Я начинаю писать новый сценарий, если у тебя есть какие-нибудь идеи — позвони». Я был удивлен — какие идеи актер может предлагать сценаристу? Через несколько дней я принес ему мои фотопробы для фильма Абея Феррары, который так и

не был снят. Феррара предлагал мне роль транссексуала, и мы делали мои пробы в женском гриме. Я сказал Патрису: «Хочу познакомиться тебя с моей подружкой, вот ее снимки. Она тебе нравится?» Патрис не сразу меня узнал, а потом долго смеялся. Позже он говорил, что именно в тот момент у него родился образ Вивиана. И у меня уже не было пути назад. Вы не представляете, как мне было страшно его играть. Я растворился в персонаже. На съемочной площадке я был Вивианом, угощал всех чаем, помогал, чем мог. Благодаря этой роли я вырос как актер. Перестал ограничиваться своим амплуа.

— Зимой вышла ваша первая режиссерская работа «Кожа ангела». Изменила ли работа по ту сторону камеры ваши представления об актерской профессии?

— Капитально. Я стал больше себе доверять, лучше себя узнал и стал больше работать после «Кожи ангела». Словно совершил некое путешествие с камерой в руках. Я почувствовал большую ответственность за то, что делается в кино.

— Во второй половине 90-х годов вы переехали в США. Почему?

— В те годы я был помолвлен с американкой (актрисой Жаклин Биссе. — «ЭС»), она жила в Лос-Анджелесе. Благодаря «Индокитаю», «Королеве Марго» и «Сирано» у меня было много предложений от американских продюсеров. Я решил пожить в Нью-Йорке — это была моя давняя мечта.

— Почему вы согласились сниматься в «Вороне-2»?

— Я не знал истории с Брэндоном Ли. Меня познакомили с режиссером Тимом Поупом, и разговор с ним убедил меня рискнуть. Герой в «Вороне-2» — удивительный персонаж, уходящий корнями в панк-музыку. Мне было лестно, что французам предложили роль героя американской поп-культуры.

— Но сейчас вы вернулись во Францию насовсем?

— Я понял, что не смогу адаптироваться к американскому менталитету. На мой вкус, их фильмы слишком патристичны. Я так и не смог попасть в крупнобюджетные голливудские кинопроекты, и в результате моих работ не видел никто — ни французы, ни остальной мир. С каждым новым фильмом чувствовал все большее разочарование и усталость. Я не говорю, что никогда не буду сниматься в Голливуде — но предупредил моего американского агента, что отныне хочу сосредоточиться на работе во Франции. Здесь я чувствую себя человеком, а там был пешкой среди других пешек.

— Вам не кажется, что самые интересные роли вас ждут в театре?

— Не знаю, хватит ли у меня смелости снова вернуться на сцену. Я постоянно упрекаю себя в лениности и трусости из-за того, что ушел со сцены.

— Вы часто видите с вашими коллегами по театру Amandiers из Нантерра?

— Все мы пошли разными дорогами. Кто-то работает в театре, кто-то снимается у Десплешена, кто-то основал свою «киносемью». Я хорошо помню, как Аньес Жауи познакомилась с Жан-Пьером Баки. В те дни я ставил «Войцека» Бюхнера, и она играла главную женскую роль. Все ее мысли были только о Жан-Пьере, и мне чуть ли не на коленях приходилось упрашивать ее не пропускать репетиции! Когда я вижу, чего они добились сегодня, восхищаюсь ими.

— Вы можете дать рецепт успеха начинающим актерам?

— Хорошее здоровье. Везение. Умение заново изобретать себя. Самоирония.

Перес Венсан
 (14.02-23.06.03)
 (14.02.03)

— 412

Экран и сцена